

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА

(конец 1950-х – начало 1960-х гг.)

К началу 1950-х гг. труд крестьян в колхозах, как и у рабочих совхозов, был низкооплачиваемым или бесплатным¹. Отчасти это компенсировалось наличием у них земельного участка (согласно Уставу сельскохозяйственной артели, крестьянский двор мог иметь до 0.25 га земли) и содержанием скота. К 1953 г. доля личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в доходах колхозников в некоторых районах страны составляла свыше 90%, а в большинстве областей Нечерноземья крестьянские семьи получали около половины совокупных доходов за его счет². О роли ЛПХ в структуре дохода сельского населения свидетельствуют и следующие факты по Кировской обл., где доходы от своего двора составляли 46–52% бюджета крестьянской семьи³. В 1953 г. крестьянская семья в Кировской обл. получала в среднем за работу в колхозе 751 руб. в год, а за реализованную на колхозных рынках продукцию своего хозяйства – 1 877 руб., т.е. в 2.5 раза больше⁴. В 1957 г. та же семья получала из колхоза 127 кг картофеля в год, а из ЛПХ – 2 092 кг (больше в 16.5 раза); овощей – 14 и 22 кг (больше в 1.6 раза); масла и сала – 3 и 23 кг (больше в 7.7 раза); молока – 47 и 1 132 кг (больше в 24 раза)⁵.

Личное подворье имело значение и для бюджета других слоев населения – рабочих и служащих, проживавших в небольших поселках или городах, на окраинах которых им могли выделяться земельные участки для выращивания овощей и содержания скота. Весьма важным было личное подворье и для самых социально незащищенных жителей деревни – инвалидов и пенсионеров, по состоянию здоровья не работавших в колхозе и не получавших пенсию⁶. К этому следует добавить и то, что уровень потребления основных продуктов в крестьянских семьях был ниже, чем в семьях рабочих. Исходя из структуры питания, крестьяне в среднем потребляли меньше официально установленного физиологического минимума таких продуктов, как овощи, молоко, мясо, сало, рыба⁷. Личное подворье помогало крестьянским семьям элементарно выжить, а реализуемая продукция в некоторых случаях давала им основной денежный доход. Даже к 1958 г., через 5 лет после известного сентябрьского пленума 1953 г., доход от работы в колхозе составлял только около 41.3% бюджета крестьянской семьи⁸.

Как отмечает М.А. Безнин, хозяйства крестьянских дворов в 1950-х гг., с точки зрения их вклада в сельхозпроизводство, выступали наряду с колхозами и совхозами основными аграрными производителями⁹. В 1958 г. в колхозах РСФСР насчитывалось 5 674 тыс. голов коров, а у колхозников – 5 860 тыс. (как видно, цифры примерно равные, разница составляла около 3%). Поголовье свиней в колхозах составляло 9 933 тыс. голов, а у колхозников – 3 851 тыс. (38.7% от колхозного поголовья). У рабочих и служащих российских совхозов числилось 3 494 тыс. коров, 2 346 тыс. свиней, в то время, как самим совхозам принадлежало 6 252 тыс. голов свиней¹⁰. В среднем по СССР доля крупного рогатого скота, содержавшегося у рабочих совхозов составляла 41%, в том числе

* Конышев Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета.

коров 69%¹¹ от колхозного стада. К 1959 г. у населения, проживающего в городах и рабочих поселках РСФСР, по данным председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского, имелось 964 тыс. голов коров и 327 тыс. голов молодняка крупного рогатого скота¹². Только подворье колхозников обеспечивало в Российской Федерации к 1958 г. производство 53% мяса, 35–38% молока¹³, 35–38% картофеля, овощей и молока¹⁴, 87% яиц¹⁵. Как следует из материалов к докладу министра сельского хозяйства РСФСР И.А. Бенедиктова, производство основных видов животноводческой продукции было для колхозов убыточным из-за низких закупочных цен. Рентабельным являлось в первую очередь производство картофеля, зерна, свеклы. Производство 1 ц молока приносило убыток колхозам и совхозам (исходя из средней себестоимости продукции по РСФСР) в 55 руб. мяса крупного рогатого скота (в живом весе) – 166 руб., мяса овец – 278 руб., мяса свиней – 631 руб.¹⁶

Относительно благоприятными для развития ЛПХ стали 1953–1958 гг. Налоги на подсобное хозяйство были уменьшены вдвое, ставки их определялись в зависимости от качества и размера земельного участка. Именно в эти годы наблюдался рост сельскохозяйственной продукции по всем направлениям, как в общественном, так и в личном производстве. За период с 1953 г. до начала 1960-х гг. в личном подворье в СССР количество поголовья скота у колхозников выросло на 4.5 млн голов¹⁷. Реальные доходы крестьян стали расти быстрее, чем доходы рабочих и служащих¹⁸. Так, по Кировской обл. в 1958 г. доходы всех категорий населения от продажи продукции ЛПХ по отношению к 1955 г. выросли в 2.1 раза¹⁹. В расчете на один колхозный двор общая сумма денежных доходов увеличилась в среднем по СССР с 2 518 руб. в 1953 г. до 7 015 в 1958 г.²⁰ (в 2.8 раза). В это время увеличилось поступление продуктов питания в семьи колхозников из ЛПХ. Например, если в 1953 г. крестьянский двор в Кировской обл. получал со своего подворья 1 968 кг картофеля, то в 1958 г. – 2 297 кг (больше на 15%); мяса и сала – 73 и 137 кг (больше на 47%); молока – 35 и 58 кг (больше на 40%)²¹.

Эти данные свидетельствуют на первый взгляд, об абсолютном преимуществе личного сектора перед колхозным и совхозным производством, где крестьяне и рабочие вынуждены были работать за бесценок, за материально необеспеченный трудодень. Но не стоит забывать при этом об определенном «симбиозе» общественного и личного хозяйств. Колхоз обеспечивал крестьян техникой, удобрениями, помогал в строительстве. Например, из колхоза крестьянин мог получать в среднем в 5 раз больше зерновых; в 2 раза больше соломы; сена столько же, сколько из ЛПХ²². Вместе с тем существовал приоритет поступления в крестьянские семьи от ЛПХ, например, картофеля (в среднем на душу населения от колхоза в 1950 г. 49 кг, а от приусадебных участков – по 591 кг), овощей (до 80–90%)²³. Кроме того, силами государства в деревню доставлялись многие товары по фиксированной цене. В условиях советской деревни личное и общественное хозяйства были взаимосвязаны, существовали при определенной выгоде для обоих. Таким образом, личное подворье помогало крестьянам прокормиться, было существенным источником дохода населения и важной составляющей аграрного производства страны. Несмотря на это, со второй половины 1950-х гг. власть начала проводить политику сдерживания и ограничения ЛПХ.

С конца 1950-х гг., когда денежные доходы колхозов РСФСР, по оценкам исследователей, существенно выросли²⁴, власти сделали поспешный вывод об укреплении материальной базы сельского хозяйства²⁵, а, следовательно, и о том, что население должно перестать нуждаться в содержании личного подворья, отнимавшего много свободного времени и сил. В то же время, если судить по письмам людей, ситуация в области сельского хозяйства и продовольствия была далека от идеальной. Учительница М. Николаева (ее адрес не сохранил-

ся) писала в ноябре 1956 г. на имя Н.С. Хрущева: «С продовольствием в стране очень туго. Фактически нормально питаться можно только в Москве. Во многих городах в магазинах преобладают крабы и зеленый горошек. В деревне почти не едят сахара. Главное то, что положение с питанием от года к году не улучшается. Мы, Россия, везем мясо из Новой Зеландии... скажите прямо, что колхозы себя не оправдали, нужна иная форма организации сельского хозяйства»²⁶.

Отказаться от совхозов и колхозов тогдашнее руководство в силу господствовавших в его умах идеологических догм, конечно же, и не помышляло. Зато ему было в полной мере свойственно восприятие личного хозяйства как существующего в ущерб колхозу и совхозу, ведущего к конфликту интересов между личным производством с одной стороны и общественным и государственным производством с другой. Само существование ЛПХ рассматривалось как вынужденная и временная уступка, отказ от которой станет возможным, как только колхозно-совхозное производство раскроет приписываемый ему идеологией потенциал. В июле 1953 г. Хрущев занял по отношению к ЛПХ более толерантную позицию. «Некоторые заявляли, – говорил он, – что надо будет упразднить коров в единоличном пользовании, а колхозников снабжать через колхоз. Будет время, когда колхозник сам пойдет на это. Если мы не верим в это дело, значит, мы не коммунисты. Разве всегда будет крестьянка-колхозница держаться за хвост своей собственной коровы? Но глупо будет предполагать это в настоящее время. Нельзя этого делать. Надо создать условия, надо поднять колхозы, поднять товарность колхозного хозяйства, продуктивность животноводства»²⁷. Но настал момент, когда у Хрущева сложилось «твердое убеждение относительно построенного социализма и необходимости развертывания в стране коммунистического строительства»²⁸. В будущий коммунизм не могло вписаться и «чужеродное, частнособственническое личное подворье, отупляющее людей тяжелым малопродуктивным трудом»²⁹.

Министр сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевич пояснял эту перемену с помощью более прагматических аргументов: «В свое время, когда совхозы мало производили животноводческой продукции, овощей и картофеля, было правильным, что рабочим и служащим разрешалось обзаводиться скотом и иметь значительные приусадебные участки. Теперь в большинстве совхозов созданы крупные животноводческие фермы, увеличено производство овощей и картофеля. Это позволяет организовать в совхозах хорошее общественное питание, а также продажу рабочим и служащим молока, мяса, овощей и картофеля по доступным ценам»³⁰. Населению, по мнению властей, должно было стать выгоднее получать продукты из колхоза, а это принесло бы улучшение условий жизни и рост производительности труда. Сказывалось и стремление уравнивать положение крестьян с рабочими, обеспечив на селе фиксированный рабочий день, освободив от хлопот в личном подворье, создав более комфортные бытовые условия. Так проявлялась своеобразная забота о народе со стороны государства.

Немаловажным фактором в перемене политики могла служить и борьба за власть в советском руководстве после смерти Сталина. Политика послабления в отношении к ЛПХ связывалась в обществе с именем Г.М. Маленкова: его портреты крестьяне вешали в своих избах. К концу 1950-х гг. укрепилась личная власть первого секретаря ЦК КПСС Хрущева, он вытеснил Маленкова из высшего руководства страны, и поэтому в условиях политической победы вполне естественным было его желание искоренить все начинания проигравшего. Неслучайно исследователи отмечают, что хрущевские подходы не только отличались от тех, за которые ратовал Маленков, они вступали в конфликт с решениями, утвержденными «с подачи» Маленкова³¹.

Не стоит забывать и давнюю идею Хрущева об «агрогородах», в которых будут проживать сельскохозяйственные рабочие. Еще в 1951 г. появилась его статья в «Правде», где он, в частности, писал: «На практике получалось, что более добросовестные, передовые колхозники, которые заботились о развитии колхозного хозяйства, не желая в ущерб общественному хозяйству отвлекаться на работу в своем личном, не могли построить себе нового дома. А менее добросовестный колхозник мог скорее... построить для себя дом». И здесь же Хрущев обосновывал необходимость уменьшения крестьянского надела земли так: «Есть предложения в поселке ограничиться небольшим размером приусадебного участка в 10–15 сотых гектара. Этого вполне достаточно для того, чтобы построить жилой дом и необходимые хозяйственные помещения, разбить садик из 15–20 деревьев и иметь небольшой огород для выращивания овощей. Остальную часть площади приусадебных участков, полагающейся по Уставу сельскохозяйственной артели, отводить за пределами поселка, но не в поле-вом севообороте, а в специально выделенном массиве приусадебных земель колхозников, прилегающем непосредственно к поселку. Это совершенно правильное предложение, которое не ущемляет интересов колхозников, но улучшает условия планировки поселка, значительно снижает затраты рабочей силы и денежных средств на благоустройство. На приусадебных землях, которые будут находиться за пределами поселка, с согласия колхозников можно механизировать некоторые работы, например, пахоту, культивацию, боронование. Все это облегчило бы труд колхозников и в то же время способствовало бы повышению урожайности»³². Политика ограничения ЛПХ по инициативе первого секретаря ЦК может рассматриваться как один из аспектов строительства «агрогородов».

Ограничение личного производства сельхозпродуктов планировалось начать с рабочих и служащих совхозов. Предполагалась постепенная, в течение 2–3 лет покупка совхозами личного скота. Считалось, что эти меры приведут к тому, что у рабочих и служащих совхозов не будет нужды заниматься личным хозяйством, увеличится доход семей за счет заработка в совхозе. По данным Совета Министров РСФСР, для закупки только крупного рогатого скота, который находится в личном пользовании рабочих и служащих, проживающих в областных, краевых и республиканских центрах и их пригородах, требовалось не менее 800 млн руб., а для закупки 1 млн голов коров, имеющихся у рабочих и служащих совхозов – около 3 млрд руб. Таких денег у колхозов и совхозов не было³³. Подобные меры предполагались и в отношении личного хозяйства колхозников. Но ограничение личного подсобного хозяйства для крестьян выразилось не только в покупке домашнего скота, но и в сокращении размеров крестьянской усадьбы.

В марте 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». Данным постановлением запрещалось увеличивать размер приусадебного участка членов колхозов за счет общественных земель. Здесь же содержались рекомендации по сокращению участка и личного скота. Постановлением от 26 августа 1956 г. Совет Министров СССР запретил колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, использовать в качестве корма для скота хлеб, муку, другие хлебобулочные продукты, приобретаемые в государственной и кооперативной торговой сети. Люди были вынуждены или сокращать поголовье личного скота или нарушать данное постановление причем второе было для них выгоднее и предпочтительнее.

В 1957 г. было объявлено о начале кампании под лозунгом «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения». Поставки из личных хозяйств начали рассматриваться как резерв для выполнения

государственного плана мясозаготовок и сохранения общественного поголовья скота³⁴. Задания по приобретению мяса и других продуктов у населения существовали и раньше. К концу 1950-х гг. сложилась практика постоянного повышения плана совершаемых закупок³⁵. В ходе ее осуществления скот из личных хозяйств стал изыматься в счет поставок колхозов и совхозов государству. До 30% мяса, сданного государству, колхозы закупали в индивидуальном секторе. Например, в 1958 г. в личных хозяйствах Кировской обл. было закуплено 28 100 голов телят, а за первое полугодие 1959 г. – 144 тыс. голов. И если производство мяса в колхозах возросло в 1959 г. по сравнению с 1958 г. в 1.6 раза, то сдача его государству – в 1.95 раза³⁶. Эту разницу и покрывали закупки из личных хозяйств. В то же время, условий для содержания скота, изъятого у населения, у колхозов и совхозов не было³⁷.

12 августа 1959 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, а 20 августа 1959 г. вышло в свет Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Можно согласиться с мнением Р.Г. Пихои, который назвал это постановление «одним из самых идеологически заостренных и экономически нелепых с долговременными последствиями. Сиюминутный результат – насильственное изъятие скота и передача его в совхозы и колхозы – привел к тому, что весь скот пошел под нож»³⁸. Власти предполагали, что при выполнении этого постановления будет сохранен от забоя племенной скот, отправленный на содержание в близлежащие колхозы и совхозы, это позволило бы сократить издержки на перевозку и главное – обеспечить население молоком в прежнем объеме³⁹.

Для приобретения скота у населения колхозы и совхозы нуждались в дополнительных средствах, что заставляло их просить кредиты у государства. На 19 августа 1959 г. в Совет Министров РСФСР такие просьбы от хозяйств республики поступили на общую сумму в 400 млн руб. Хозяйств, которые совсем не нуждались в кредитах на эти цели, было очень мало⁴⁰. Однако в полном объеме государство необходимые средства на закупки не выделило. На местах стали тратить на эти цели деньги, предназначенные на формирование племенного стада. Естественно, это повлекло качественное ухудшение показателей животноводства и распыление средств.

Одним из средств ограничения содержания скота стала налоговая политика. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 мая 1963 г. «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан, не являющихся членами колхозов», устанавливался налог с лиц, содержащих скот сверх установленных норм. В итоге по всей территории РСФСР было учтено 1 784 114 голов скота, за который платился налог с единоличных хозяйств. В среднем за один только месяц 1963 г. по РСФСР гражданам было предъявлено к уплате в качестве налогов 47.2 млн руб.⁴¹ В практике взимания налога имелись нарушения. Например, не предоставлялись льготы по его уплате колхозникам, ветеранам, жившим без выплаты пенсии, в семье которых было несколько детей⁴². Допускались описи и аресты имущества, передача дел в народный суд. Власти требовали усилить использование налогообложения для «укрепления трудовой дисциплины в колхозах и совхозах, для пресечения существования туенядцев и других антиобщественных элементов, которые в ущерб общественному производству необоснованно раздувают личное подсобное хозяйство»⁴³. Кроме выделения средств на закупку скота из личных хозяйств, велось строительство животноводческих помещений, увеличивались объемы заготовки кормов, принимались меры для организации общественного питания и расширения торговли мясом и молочными продуктами⁴⁴. Власти стремились активно разъяснять положения документов, ограничивающих содержание скота в личной собст-

венности⁴⁵. Однако населению было невыгодно сдавать скот государству, поскольку закупочные цены, установленные властями, были ниже рыночных⁴⁶.

Ограничениям подверглось и личное крестьянское землепользование – приусадебный участок. Только за 1 год (с 1958 по 1959 г.) сокращение земельных площадей ЛПХ составило от 5 до 8%. Например, у колхозников Кировской обл. в 1958 г. посевных площадей в ЛПХ числилось 63.2 тыс. га, а в 1959 г. – уже только 58.5 тыс. га (уменьшение составило 8%). У рабочих и служащих в сельской местности посевные площади личного подворья уменьшились на 7%⁴⁷. Основную роль в уменьшении посевов в личной усадьбе составляло изъятие «излишков». Наиболее распространенными нарушениями в отношении землепользования были необоснованное сокращение приусадебных участков, неправильная ставка налога, установление обязательного минимума трудодней для лиц, не являвшихся членами колхозов, но пользовавшихся участками на колхозной земле⁴⁸. Стоит отметить, что на практике власти стремились изъять у крестьянских дворов больше земли, чем это предусматривалось законом. Размеры злоупотреблений были значительными⁴⁹. Центральные власти признавали, что на местах во многих случаях изъятие земельных участков происходит неправомерно⁵⁰.

Ограничивая личное подворье населения, власти не смогли решить задачу обеспечения населения продуктами питания, ранее частично решаемую самим народом. Не была обеспечена продажа молока – одного из основных продуктов питания. В Кировской обл. продавалось в среднем по 500 г молока в день на 1 двор⁵¹ (включавший несколько человек). Ситуация усугублялась еще и тем, что в Российской Федерации существовало много мелких населенных пунктов по 3–5 дворов, осуществление ежедневной торговли в которых было дорогостоящим и трудным делом. В скором времени оказалось, что продажа молока и продуктов животноводства является убыточной, с каждого проданного населению центнера молока государство теряло 12.75 руб.⁵²

Политика ограничения ЛПХ не замедлила отразиться на структуре доходов и расходов населения на продукты питания, на бюджетах семей. В 1958 г. доходы всех категорий граждан от ЛПХ в Кировской обл. составляли 237, а в 1959 г. – 47.8 млн руб. (сокращение почти в 5 раз). Отразилось это и на ценах на продукты питания⁵³. Государство, ограничивая ресурсы личного подворья в пользу общественного и государственного производства, не всегда находило им эффективное применение. С одной стороны, у крестьян уменьшался размер земельного надела, с другой – с передачей «отрезков» общественному и государственному производству колхозам и совхозам не хватало средств для должной обработки пахотных земель. Так, в 1954–1961 гг. по ходатайствам регионов с разрешения Совета Министров СССР в колхозах, совхозах и других категориях хозяйств Советского Союза было бессрочно выведено из оборота 3.4 млн га сельхозугодий, в том числе пашни – 1.3 млн га. Временно, на 5 лет, были исключены из производства 20.8 млн га сенокосов⁵⁴. Причина уменьшения количества пахотных земель в районах традиционного земледелия, особенно в Нечерноземье, в указанный период заключалась в том, что здесь было большое количество «экономически слабых» колхозов, крайне недостаточно обеспеченных основными средствами производства, при сравнительно большой нагрузке пашни и сенокосов на одного трудоспособного колхозника. У общественных и государственных хозяйств Нечерноземья не хватало средств для обработки наличной земли, а площади стали увеличиваться за счет сокращения размера приусадебных участков с передачей таких «отрезков» все тем же слабосильным колхозам и совхозам. Кроме того, хозяйства испытывали трудности в обработке этих «отрезков» – они находились за пределами основного земельного фонда, что повышало себестоимость работ.

В начале 1960-х гг. Совет Министров РСФСР оценивал использование земли, изъятой у крестьянских хозяйств, как «крайне неудовлетворительное»⁵⁵, отмечая, что «приусадебные участки, изъятые у колхозников, рабочих и служащих, нередко выпадают из сельскохозяйственного оборота, зарастают кустарником и сорняками, пустуют без пользы для колхозов и государства. По данным Министерства сельского хозяйства СССР, фонд свободных приусадебных земель в колхозах в целом по стране составляет более 2 млн га»⁵⁶. В то же время сами крестьяне, даже в условиях проведения политики ограничения ЛПХ, стремились разными путями увеличить размер собственных участков. Только за 1962 г. в Кировской обл. было допущено 844 случая нарушения приусадебного землепользования (92.1% от всех земельных нарушений за год)⁵⁷. За 1964 г. в области было выявлено 21 416 случаев незаконного увеличения размеров приусадебных участков колхозниками, рабочими и служащими. Таким путем люди попытались «захватить» 1 081 га земли⁵⁸, продолжая считать отобранные участки своими. Этому способствовало и то, что колхозы не особенно нуждались в дополнительных «прирезках», находившихся за пределами их основных земельных площадей.

Ощутимо и болезненно проходило ограничение личного подворья для социально незащищенных крестьян, не получавших пенсии, а подчас и зарплаты в экономически слабых колхозах. С одной стороны, государство не могло обеспечить достойный уровень потребления, с другой – ограничивало возможности заработка крестьян. Если секретари обкомов рапортовали в центр, что меры ограничения ЛПХ воспринимаются населением хорошо⁵⁹, то значительное число категорий граждан – многодетные семьи, инвалиды, ветераны войны и другие – просили сделать исключение и разрешить содержать им скот, продолжать пользоваться землей. Например, пенсионерка Большакова из д. Су-теревка Боровичского района Новгородской обл. писала: «В мае 1956 г. правление колхоза “Буденовец” полностью отобрало мой приусадебный участок 0.10 га, на котором посажено 20 яблонь, мотивируя тем, что я не принимаю никакого участия в работе колхоза и не занимаюсь общественно-полезным трудом. Такое решение колхоза я считаю несправедливым. Я никогда не являлась членом колхоза. Мой муж был служащим госучреждений, где проработал 30 лет. После смерти мужа я получаю за него как за кормильца пенсию 160 руб. Мне 73 года, живу одна, сын погиб на фронте. Будучи в таком преклонном возрасте и в болезненном состоянии, могу ли я трудиться в колхозе? Мой дом, в котором я прожила всю жизнь, находится на территории колхоза. Председатель колхоза заявил мне, что я могу убираться на все четыре стороны, но дом вывезти не разрешает. Меня, старуху, лишили основного источника существования, отобрав ничтожный клочок земли, где я сажала картофель и овощи»⁶⁰. Есть примеры и других жалоб населения на необоснованное ограничение земли и скота в личном подворье⁶¹.

Последствия политики ограничения ЛПХ были многообразны. Одним из них стал подрыв важного источника производства продовольствия в стране. Согласно оценке современных историков, «сиюминутный результат – насильственное изъятие скота и передача его в совхозы и колхозы – привел к тому, что весь скот пошел под нож... и то поголовье скота, которое постепенно увеличилось в личных хозяйствах в 50-х гг., было уничтожено практически в течение нескольких месяцев»⁶². К 1960 г. производство мяса в СССР по сравнению с 1958 г. уменьшилось на 200 тыс. т⁶³, а к 1964 г. упало еще ниже⁶⁴. В начале 1960-х гг. около трети всех крестьянских семей не имели коров, основных кормилиц крестьянских семей⁶⁵. Снизился и удельный вес индивидуальных хозяйств в общем объеме заготовок сельхозпродукции: если в 1959 г. он составлял по скоту и птице 19.2%; молоку – 6.9; яйцу – 31.2 %; то в 1962 г. уже 11.1; 3.8 и 24%⁶⁶.

Снизился и жизненный уровень населения. К середине 1960-х гг. отмечалось увеличение денежных расходов в семьях рабочих на продукты питания, а в семьях колхозников – увеличение таких же расходов на продукты питания и продукты сельского хозяйства при одновременном сокращении расходов на непродовольственные товары⁶⁷. Таким образом, если раньше необходимые продукты, прежде всего молоко и мясо, производились в хозяйствах самого населения, то теперь, после всех ограничительных мер, люди были вынуждены их покупать и экономить на других видах товаров. Исследователи отмечают и такое следствие проводившейся политики, как усиление нестабильности на потребительском рынке, когда «резкие колебания... по отношению к колхозам и личным подворьям колхозников буквально выбивали почву из-под ног хозяйственных руководителей на местах, а у крестьян порождали чувство нестабильности и неуверенности в ближайшем будущем»⁶⁸.

Личное подворье было значимым не только экономически, оно позволяло крестьянам чувствовать себя хозяевами, быть привязанными к земле, а это способствовало решению кадровой проблемы на селе. Личное хозяйство воспитывало трудолюбие и уважение к земле, позволяло увидеть непосредственные результаты своего труда, быть материально заинтересованным в нем. Политика его ограничения вызвала отток рабочей силы из деревни. Крутой поворот в отношении ЛПХ, совершенный на рубеже 1950–1960-х гг., современные исследователи единодушно оценивают, как серьезную ошибку тогдашнего руководства⁶⁹.

Позднее власти попытались вернуть прежнее положение. 13 ноября 1964 г. последовало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих». Но ожидаемой реакции на него не последовало. Несмотря на то что возврат приусадебных земель, как правило, увеличивал и средние размеры участка, приходящегося на крестьянский двор⁷⁰, люди без особого энтузиазма встретили получение отобранных ранее земель. Процесс раскрестьянивания «зашел так далеко, что попытки вернуть отрезанную землю часто встречали неверие, нежелание, отсутствие возможностей (вследствие миграции трудоспособное население в крестьянских семьях сокращается) у крестьян принять ее вновь». Крестьянин перестает «жалеть землю, забрасывает ее, просит уменьшить, списать»⁷¹.

Примечания

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО), ф. 1290, оп. 26, д. 14, л. 9; ГА РФ, ф. А-259, оп. 7, д. 6705, л. 21.

² Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х гг. (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 37.

³ ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 26, д. 14, л. 9.

⁴ Государственный архив Кировской области (далее – ГА КО), ф. 2169, оп. 28, д. 1318, л. 110.

⁵ Там же, ф. 2344, оп. 43, д. 3760, л. 212.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 5, оп. 45, д. 213, л. 90.

⁷ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1316, л. 93.

⁸ Советское крестьянство: краткий очерк истории (1917–1940) / Под. ред. В.П. Данилова. М., 1973. С. 468.

⁹ Безнин М.А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Отечественная история. 1992. № 3. С. 16, 17.

¹⁰ ГА РФ, ф. А-374, оп. 31, д. 789, л. 6.

¹¹ РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 213, л. 105.

¹² ГА РФ, ф. А-259, оп. 42, д. 3448, л. 8.

- ¹³ *Зайцева Л.А.* Развитие сельского хозяйства Бурятии, 1923–1985 гг.: историческое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1997. С. 335.
- ¹⁴ *Русинов И.В.* Аграрная политика КПСС в 1950-е – первой половине 1960-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 37.
- ¹⁵ Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1999. С. 299.
- ¹⁶ ГА РФ, ф. А-310, оп. 22, д. 21, л. 21.
- ¹⁷ *Гаврилюк А.* Хрущев и крестьянство // Сельская молодежь. 1989. № 12. С. 8.
- ¹⁸ *Симуш И.И.* Социально-экономические проблемы развития колхозов. М., 1973. С. 87.
- ¹⁹ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1317, л. 130.
- ²⁰ Советское крестьянство... С. 449.
- ²¹ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1318, л. 108.
- ²² Там же, ф. 2344, оп. 43, д. 3760, л. 212.
- ²³ *Иванов Н.С.* Раскрестьянивание деревни // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 428.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР. Т. 2 / Под. общей ред. Ю.А. Полякова. М., 1984. С. 38.
- ²⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 148–149.
- ²⁷ Там же. 1991. № 1. С. 156.
- ²⁸ *Пыжиков А.В.* Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 53.
- ²⁹ *Денисов Ю.П.* Неоднозначность (Н.С. Хрущев и сельское хозяйство: штрихи к политическому портрету) // Сельская новь. 1989. № 1. С. 23.
- ³⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 213, л. 106–107.
- ³¹ *Пихоя Р.Г.* О внутривластной борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 10.
- ³² Правда. 1951. 4 марта.
- ³³ ГА РФ, ф. А-259, оп. 42, д. 3448, л. 6, 8.
- ³⁴ ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 31, д. 38, л. 288–289.
- ³⁵ Там же, оп. 28, д. 18, л. 158–159.
- ³⁶ ГА КО, ф. Р-2756, оп. 1, д. 933, л. 54–55.
- ³⁷ ГАСПИ КО, ф. 1290, оп. 31, д. 81, л. 118–119.
- ³⁸ *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти: 1945–1991. Новосибирск 2000. С. 175.
- ³⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 238, л. 148.
- ⁴⁰ Там же, л. 149.
- ⁴¹ ГА РФ, ф. А-259, оп. 45, д. 215, л. 3–4.
- ⁴² ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1264, л. 42–43.
- ⁴³ ГАСПИ КО, ф. 6281, оп. 1, д. 4Б, л. 321–323.
- ⁴⁴ ГА РФ, ф. А-259, оп. 42, д. 5496, л. 9.
- ⁴⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 456, л. 25.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. А-259, оп. 42, д. 3419, л. 1.
- ⁴⁷ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1317, л. 245.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. А-259, оп. 7, д. 8022, л. 62.
- ⁴⁹ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 32, д. 112, л. 64.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. А-259, оп. 7, д. 6712, л. 7.
- ⁵¹ ГАСПИ КО, ф. 6281, оп. 1, д. 4Б, л. 77–78.
- ⁵² ГА РФ, ф. А-259, оп. 42, д. 3419, л. 2.
- ⁵³ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1317, л. 2, 94, 96, 112, 129.
- ⁵⁴ РГАЭ, ф. 7, оп. 3, д. 1270, л. 63, 65.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. А-259, оп. 45, д. 1574, л. 16–17.
- ⁵⁶ Там же, оп. 7, д. 8021, л. 111.
- ⁵⁷ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 32, д. 112, л. 62–63.
- ⁵⁸ *Безнин М.А.* Колхозный двор в Российском Нечерноземье: 1950–1965 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 137.
- ⁵⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 238, л. 149.
- ⁶⁰ ГА РФ, ф. А-259, оп. 7, д. 8021, л. 112–113.
- ⁶¹ Там же, д. 6712, л. 19, 38, 156–157; д. 8021, л. 105; РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 364, л. 23–27.
- ⁶² *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти... С. 175.

⁶³ Куцетеров Ю.В. Аграрная политика Советского государства, 1917–1991 гг.: на материалах Северо-Кавказского региона. Дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1997. С. 203.

⁶⁴ Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В.В. Ильина. М., 1996. С. 151.

⁶⁵ Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. С. 38.

⁶⁶ ГА РФ, ф. А-259, оп. 45, д. 380, л. 1–2.

⁶⁷ ГА КО, ф. Р-2169, оп. 28, д. 1948, л. 12, 22.

⁶⁸ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992. С. 35.

⁶⁹ Денисов Ю.П. Указ. соч. С. 23; Зеленин И.Е. Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 81–82.

⁷⁰ Безнин М.А. Колхозный двор в Российском Нечерноземье... С. 146–147.

⁷¹ Никитаева Е.Б. Социальные проблемы села в 1960–1970 гг.: на материалах Центрального района России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 94.